

ДИСКУРС КАК ЕДИНИЦА ОНТОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Фаритов В.Т.

ФГБОУ ВПО «Ульяновский государственный технический университет», Ульяновск, Россия (432027, г. Ульяновск, ул. Северный Венец, 32), e-mail: vfar@mail.ru

В работе представлен онтологический анализ одного из наиболее часто употребляемых в современной философской и научной мысли концепта дискурса. Дискурс рассматривается как онтологический феномен, объединяющий и нейтрализующий базовые бинарные оппозиции классической онтологии, такие как бытие и сознание, действительность и язык. Дискурс не является продуктом ни бытия как такового, ни языка самого по себе. Он возникает на стыке этих метафизических понятий, в проблемном поле, порождаемом их взаимным притяжением и взаимным отталкиванием. В таком качестве дискурс представляет собой основную единицу неклассической онтологии, характеризующейся тенденцией к преодолению схем и моделей классической метафизики. Характеристика онтологического статуса феномена дискурса составляет первую часть статьи. Вторая часть посвящена экспликации онтологической структуры данного феномена, осуществляемой на материале лингвистического определения дискурса.

Ключевые слова: дискурс, бытие, сознание, метафизика, онтологический статус, онтологическая структура.

DISCOURSE AS UNIT OF THE ONTOLOGIC ANALYSIS

Faritov V.T.

Ulyanovsk State Technical University, Ulyanovsk, Russia (432027, Ulyanovsk, street Northern Wreath, 32), e-mail: vfar@mail.ru

In the article the ontologic analysis of one of most frequently used in modern philosophical and scientific ideas of concept of a discourse is submitted. The discourse is considered as an ontologic phenomenon which unites and neutralize base binary oppositions of classical ontology: being and consciousness, the reality and language. The discourse is not a product being as such or language on itself. It arises on a joint of these metaphysical concepts, of the problem field produced by their mutual attraction and mutual pushing away. In such quality the discourse represents basic unit nonclassical ontology, the described tendency to overcoming circuits and models of classical metaphysics. The characteristic of the ontologic status of a phenomenon of a discourse makes the first part of article. The second part is devoted to the explication of ontologic structure of the given phenomenon which are carried out on a material of linguistic definition of a discourse.

Key words: discourse, being, consciousness, metaphysics, ontologic status, ontologic structure.

Концепт дискурса занимает одно из ведущих положений в современной социально-гуманитарной мысли уже не одно десятилетие. В предлагаемой статье ставится задача эксплицировать характер взаимосвязи дискурса и «реальности», обосновав тем самым положение о конструктивности и открытости дискурса и раскрыв его онтологический статус.

Концепт дискурса обладает одним из наиболее широких спектров определений. Наблюдается явное отличие трактовки дискурса в лингвистических теориях и в философии. С другой стороны, лингвистическое и философское понимание дискурса имеют немало точек соприкосновения, что позволяет не разграничивать их жестко. Согласно Н.Д. Арутюновой, дискурс представляет собой «связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных

процессах)» [1, с. 136-137]. В.З. Демьянков дает следующее определение: «Discours – дискурс, произвольный фрагмент текста, состоящий более чем из одного предложения или независимой части предложения. Часто, но не всегда, концентрируется вокруг некоторого опорного концепта; создает общий контекст, описывающий действующие лица, объекты, обстоятельства, времена, поступки и т.п., определяясь не столько последовательностью предложений, сколько тем общим для создающего дискурс и его интерпретатора миром, который "строится" по ходу развертывания дискурса... Исходная структура дискурса имеет вид последовательности элементарных пропозиций, связанных между собой логическими отношениями конъюнкции, дизъюнкции и т.п. Элементы дискурса: излагаемые события, их участники, перформативная информация и «не-события», т.е.: а) обстоятельства, сопровождающие события; б) фон, проясняющий события; в) оценка участников события; г) информация, соотносящая дискурс с событиями» [4, с. 7].

Общим для двух приведенных лингвистических определений является трактовка дискурса как текста или фрагмента текста. Однако это не текст сам по себе (текст-в-себе) как объект сугубо лингвистического анализа, но текст в совокупности с экстралингвистическими факторами, текст «в событийном аспекте», речь, «погруженная в жизнь» (Арутюнова), текст, который определяется не столько собственной лингвистической структурой, сколько «миром, который "строится" по ходу развертывания дискурса» (Демьянков). Перед нами стандартная оппозиция языка и мира, лингвистического и экстралингвистического, уходящая своими корнями в субъект-объектную модель познания, в противопоставление сознания и реальности. Но здесь эта оппозиция дана в тенденции к самонейтрализации: дискурс есть то, что является сразу и тем и другим или же – ни тем ни другим. Лингвисты ставят на первое место текст как единицу языка, которая затем «реализуется» в речи, единицей которой и выступает дискурс. В таком подходе проявляется метафизическое структуралистское наследие лингвистики. Здесь следует подчеркнуть, что мы не ставим своей задачей критику этого наследия как заведомо ошибочного. Наша задача – поиск и апробация в теории другого способа философствования, альтернативного сложившемуся в классической метафизике.

Мы не считаем правомерным сводить дискурс исключительно к тексту, и понимать текст преимущественно как единицу абстрактной языковой структуры, которая затем задним числом «входит в жизнь» через событие речи. Дискурс – это не реализованный текст, но то, что в бинарной структуре занимает промежуточное положение, что находится между членами бинарной оппозиции, осуществляя их взаимопереход, *трансгрессию*. На наш взгляд, концепт дискурса не позволяет выделять две противостоящие сферы (лингвистическую и экстралингвистическую), но скорее вскрывает их онтологическую

несамодостаточность и несущественность. Выражаясь в гегелевской манере, обе эти сферы суть только пустые абстракции, моменты.

Важным следствием из выдвинутого положения является вывод о необходимости пересмотреть наше отношение к фундаментальным категориям онтологии, в особенности к категориям реальности, сознания, мышления, субъекта и объекта. Собственно, тотальная ревизия этих категорий в философии началась уже более ста лет назад, но до сих пор не завершилась. Мы считаем, что базовыми единицами онтологического анализа в современной онтологии вместо реальности и сознания должны выступать дискурсы. Дискурс вбирает в себя традиционные для метафизического горизонта философствования оппозиции идеального (смыслового) и материального (реального), языкового и действительного, перерабатывает и, как сказал бы Гегель, снимает их. Такое понимание природы дискурса, превращающее его из лингвистического феномена в онтологический, позволяет раскрыть иной горизонт философствования и взглянуть на многие традиционные философские проблемы иначе, чем это делали, например, феноменология и фундаментальная онтология, оставаясь в рамках классической традиции (через апелляцию к сознанию или бытию как таковому).

Обращение к дискурсам на онтологическом уровне исследования не означает, однако, что онтология становится региональной, рассматривающей только отдельную сферу «реальности». И не означает, что мы отождествляем «реальность» с дискурсом как с «чем-то языковым». Упрек в редукции «всего» к языку (тексту), который мы предвидим, предполагает: 1) сохранение оппозиции реальности и языка (текста), шире – бытия и мышления, 2) подразумеваемый онтологический приоритет реальности, бытия как реальности. Однако реальность сама по себе – такой же метафизический постулат, как и сознание само по себе, бытие само по себе. Критики метафизики с позиции реализма не замечают, что, сокрушив бытие или сознание как таковое во имя объективной реальности, они тем самым остаются в лоне метафизической модели, постулируя реальность как таковую. Если мы хотим быть последовательными в преодолении метафизики и поиске иных способов философствования, то должны отказаться от оппозиций, выстроенных на базе метафизики. Мы не полагаем тождество бытия и мышления, но исходим из отсутствия бытия и мышления как самостоятельных сущностей. Ставя на место оппозиции реальность-сознание (или реальности самой по себе, сознания самого по себе) дискурс как то, что не является ни по себе сущей реальностью, ни по себе сущим сознанием (мышлением, языком), мы получаем возможность действительно иного по сравнению с классической онтологией решения базовых философских проблем.

Дискурс не аналог гегелевского абсолютного духа. Дискурсов множество, они гетерогенны, несоизмеримы и не сводимы ни к какой всеобщности (будь то сознание, язык, общественные отношения, материальное производство и т.п.), они несубстанциальны, конструктивны, подвижны и открыты. Мы не утверждаем, что кроме дискурсов вообще ничего не существует, но все, что выступает в качестве организованного и определенным образом структурированного бытийно-смыслового пространства, дискурсивно. Социального, экономического, лингвистического нет вне дискурса, поскольку все эти бытийные сферы мыслимы только в зазорах между традиционными оппозициями языка и действительности (мышления и бытия и т.п.). Одинаково сложно и бессмысленно представлять, например, социальное и как нечто внеязыковое, чистую действительность, и как исключительно языковой (ментальный) феномен. Гораздо продуктивнее отказаться от вычленения в социальной сфере языковой и материальной составляющей (чтобы потом решать о первичности того или другого) и мыслить социальное как дискурс, т.е. вне этих оппозиций. Безусловно, в этом случае социальное утрачивает свой субстанциальный характер, становится одним из видов дискурса. То же самое можно сказать о природе. Свести природу к чисто языковому феномену будет не менее ошибочным, чем полагать ее как голую себедовлеющую реальность. Природа имеет смысл только в бинарной структуре, различающей оппозиции знакового характера – природа–культура. Вне этой оппозиции природы нет. Если культура – все неприродное, то природа – все некультурное (условно, разумеется, имея в виду взаимопроникновение, дополнение и т.п. обоих членов бинарной оппозиции). Но эти оппозиции не характеризуют реальность в себе, они сконституированы определенным дискурсом, исторически возникшем в связи с разнообразными условиями (которые суть продукты многих других дискурсов).

В целом можно отметить, что дискурс подобен одновременно фокусу и призме, точке схождения и расхождения разнородных бытийных сфер, которые в классической традиции нередко полагаются как существующие абсолютно и лежащие в основании всех других. Как бы мы ни старались, мы не найдем сознания, языка, социума и т.д. в чистом виде. Вычленение и изоляция этих сфер изначально производилась исключительно в метафизических, а позднее – в научных целях, и действительно никогда никто не сталкивался ни с одной из них без примеси других. С чем мы каждодневно сталкиваемся непосредственно (а не трансцендентально!) и во множестве, так это с разнообразными дискурсами, в которых мы не только мыслим, общаемся, но и действуем, осуществляем практики власти, как сказал бы Фуко.

Дискурс не может быть детищем одного только сознания, так как в этом случае мы оставляем без внимания бессознательное, социальное, культурное, историческое и многое

другое, не учитываем, что сознание не только влияет на все это, но и само испытывает многочисленные воздействия с разных источников. Сознание так же сконституировано, как и все эти сферы, как и сами дискурсы. Конечно, если гипостазировать сознание в качестве метафизической первоосновы, разговор будет другой (будет другой дискурс и другой горизонт философской мысли). Но мы не гипостазируем ни сознание, ни дискурс. Дискурс не всеобщая априорная сущность, из сознания проецируемая на противостоящий ему мир или «гилетический материал», но эмпирическая данность (что подтверждается и лингвистическими определениями).

Разработка концепта дискурса в лингвистических теориях во многом была направлена на сглаживание (в идеале – устранения) зияющего разрыва между языком и действительностью, хотя и язык и действительность неизбежно остаются в качестве крайних терминов в виду сохранения в лингвистике классической онтологической базы. Так, Бахтин, характеризуя высказывание как источник экспрессии, продолжает пользоваться терминами оппозиции «язык–действительность» при очевидной интенции вырваться за ее пределы: «только контакт языкового значения с конкретной реальностью, только контакт языка с действительностью, который происходит в высказывании, порождает искру экспрессии: ее нет ни в системе языка, ни в объективной, вне нас существующей действительности» [2, с. 282]. Мы бы добавили, что не существует также системы языка и объективной действительности самих по себе.

Теперь мы можем двигаться дальше и рассмотреть онтологическую структуру дискурса. В качестве опорного материала мы будем использовать достаточно емкое лингвистическое определение, предложенное В. Демьянковым и цитированное выше. Первое предложение, сводящее дискурс к тексту, для онтологического анализа неплодотворно (по поводу чего мы привели уже достаточно аргументов). Зато следующее чрезвычайно богато онтологическими импликациями. «Часто, но не всегда, концентрируется вокруг некоторого опорного концепта». Здесь задается понятие дискурсивного центра – утверждаемого в структурализме и превращающегося в мишень беспощадной критики в постструктурализме. Важная оговорка: часто, но не всегда – существуют дискурсы с рассеянным центром, когда «опорный концепт» не удастся локализовать. В качестве дискурсивного центра может выступать все, что приобретает господствующее положение по отношению ко всем прочим элементам дискурса. Все, что подчиняет, подавляет, заставляет служить собственным интенциям, представлять (репрезентировать); все, что наделяется статусом всеобщего, располагается на вершине устанавливаемой иерархии, выступает в качестве первого источника, последнего основания и конечной цели. В последнем предложении мы имели в виду большие дискурсы или метадискурсы, такие как идеологические, религиозные

и метафизические системы. В менее крупных дискурсах властные притязания центра не заходят столь далеко, но в любом случае установление центра связано с властью, экспансией – в большом или в малом.

Следующий важнейший структурный элемент дискурса – контекст: «...создает общий контекст, описывающий действующие лица, объекты, обстоятельства, времена, поступки и т.п.». Контекст в онтологическом плане представляет собой бытийное горизонтное пространство, в котором центр непосредственно осуществляет свою власть над подчиненными ему (сгруппированными вокруг него) элементами. Наиболее значимая функция дискурсивного центра состоит в том, что он задает магистральную *перспективу*, или, по-другому, определяет *суперпозицию* альтернативных состояний, очерчивает горизонт возможностей, рамками которого будут определяться спектр потенциальных актуализаций смыслов (*векторов*) как продуктов сконституированного дискурсивного пространства. Далее в тексте определения следует важное уточнение, созвучное нашему толкованию термина «контекст»: «определяясь не столько последовательностью предложений, сколько тем общим для создающего дискурс и его интерпретатора миром, который "строится" по ходу развертывания дискурса...». Ведущая роль здесь отдается не лингвистическим единицам (предложениям), но «миру», конституируемому «по ходу развертывания дискурса». Дискурс выстраивает определенный мир или – как будем говорить мы, дабы избежать перегруженного в феноменологической, экзистенциальной и герменевтической философии концепта, – *бытийно-смысловую перспективу как спектр возможных бытийно-смысловых векторов*.

Сочетание «бытийно-смысловой» выражает установку на нейтрализацию оппозиции «бытие–мышление», о чем уже говорилось выше. Мы решаемся использовать этот терминологический гибрид не только потому, что не нашли более подходящего термина, но и в связи с необходимостью указания на принципиальную неразрешимость «основного вопроса философии». Невозможно установить первичность ни бытия, ни мышления, вопрос о первичности чего-либо в онтологическом плане вообще не должен ставиться.

Под *перспективой* мы понимаем определяемый центром (но не всегда только центром) спектр возможных актуализаций тех или иных бытийно-смысловых векторов. В качестве синонима перспективы мы употребляем термин «горизонт».

Вектор мы определяем как одно из возможных в рамках перспективы (горизонта как суперпозиции) состояний бытийно-смысловой определенности. Мы не настаиваем здесь на строгом соответствии физике микромира, ни на математической точности, но используем соответствующую терминологию только в качестве аналогии, цель которой – подчеркнуть множественный и подвижный, *векторный* характер смысловой определенности. Бытийно-

смысловый вектор, смысловая определенность представляет собой актуализацию одного или нескольких из множества возможных стояний, сосуществующих одновременно в качестве перспективы, горизонта или суперпозиции. Это означает, что любая определенность есть временное состояние (актуализация) в рамках значительно менее четкой и нефиксируемой определенности (перспективы).

Если для простоты взять в качестве единицы рассмотрения отдельное слово, то потенциальный спектр его возможных бытийно-смысловых актуализаций окажется намного шире ограниченного списка значений, приведенного в словаре, не учитывающем множество коннотативных смыслов. Однако актуальная перспектива, задаваемая тем или иным дискурсом, может быть значительно уже, что зависит от типа дискурса.

Вернемся к анализируемому определению. Следующее предложение дает беглую характеристику логической и лингвистической структуры дискурса: «Исходная структура дискурса имеет вид последовательности элементарных пропозиций, связанных между собой логическими отношениями конъюнкции, дизъюнкции и т.п.». После всего сказанного не следует пояснять, что эта структура не определяет суть дискурса, по существу являясь формальной. Последнее предложение приводит перечень других элементов дискурса: «излагаемые события, их участники, перформативная информация и "не-события", т.е.: а) обстоятельства, сопровождающие события; б) фон, проясняющий события; в) оценка участников события; г) информация, соотносящая дискурс с событиями». Важный момент: субъекты («участники») не выделяются в качестве центра. Центром служит «опорный концепт», субъект же представляет собой подчиненный центру и им организованный элемент наряду с прочими (к которым можно отнести пространственные, временные, аксиологические и прочие модальности). При этом существуют дискурсы, в которых субъект выполняет функцию центра, но это не позволяет сводить центр к субъекту.

Элементы дискурса с ярко выраженным центром группируются по степени приближенности-удаленности по отношению к центру. Так возникают такие структурные элементы, как центральная и периферическая область. Сосуществование дискурсов с другими дискурсами конституирует такой важнейший элемент дискурса, как границу. Таким образом, архитектура дискурса представлена центром, центральной областью, периферией и границей.

Таким образом, в лингвистике и в философии концепт дискурса возникает на базе тенденции к преодолению традиционной для метафизического горизонта оппозиции бытия и мышления, реальности и языка. Из двух членов оппозиции дискурс не есть ни то ни другое. Он также не есть их синтез (вопреки тому, что лингвистика нередко определяет его в категориях синтеза – «текст, погруженный в жизнь»), но, скорее, представляет собой их

нейтрализацию, размывание границ как бытия-реальности, так и мышления-языка, их перетекание друг в друга. Именно поэтому мы предлагаем использовать дискурс в качестве одной из основных единиц онтологического анализа в онтологии, претендующей на статус неметафизического способа философствования.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / глав. ред. В.Н. Ярцева. – М. : Большая Российская энциклопедия, 1998.
2. Бахтин М. Проблема речевых жанров // Автор и герой: к философским основам гуманитарных наук. – СПб. : Азбука, 2000.
3. Гаспаров Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. – М. : Новое литературное обозрение, 1996.
4. Демьянков В.З. Англо-русские термины по прикладной лингвистике и автоматической переработке текста // Всесоюзный центр переводов. Тетради новых терминов, 39. – М. : ИНИОН РАН, 1982.
5. Йоргенсен М.В. Дискурс-анализ. Теория и метод / М.В. Йоргенсен, Л. Филлипс. – Харьков : Гуманитарный центр, 2008.

Рецензенты

Романов Василий Николаевич, доктор философских наук, профессор, ФГБОУ ВПО «Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова», г. Ульяновск.

Чекин Александр Николаевич, доктор философских наук, профессор, ФГБОУ ВПО «Ульяновский государственный технический университет», г. Ульяновск.